

ЛОВУШКИ ПУБЛИЧНОСТИ МОЖНО ПРЕОДОЛЕТЬ

Михаил Рожанский

Сразу оговорюсь, что высказываюсь, имея в виду социологию в широком смысле слова, то есть исследования современного общества и людей, которые эти исследования осуществляют. О социологии в «ведомственном смысле» высказываться публично не хотел бы и потому, что в этом смысле себя не считаю социологом, и потому, что разделяю представления о возможной «смерти социологии» или — пользуясь менее мрачной лексикой — о том, что мы на пороге радикального реформирования всего поля профессионального социального знания. Волнует меня судьба не нынешней деланки поля, именуемой социологией, а место социальных исследований в обществе. Поэтому и тема публичной социологии мне очень близка. И греет то, что новый журнал открывается этой темой.

1. *Майкл Буравой выделяет профессиональную, или академическую (professional), критическую (critical), прикладную, или заказную (policy), и публичную (public) социологии по типам основных задач и потребителей социологического знания. Как вы считаете, помогает ли такая типология понять ситуацию, сложившуюся в современной российской социологии? Каково соотношение этих четырех типов социологии в России?*

Типологию Буравого принимаю с готовностью как вполне инструментальную — она помогает многое понять, но есть терминологические оттенки, обозначенные союзом «или». Над ними важно поразмышлять, прежде чем работать с этой типологией на отечественном материале. Было бы неточным рассматривать как синонимы «профессиональную» и академическую — очевидно, имеется в виду «адресованная профессионалам». Если освободить критическую, заказную и публичную социологию от критериев исследовательского профессионализма, то лучше сразу поставить крест на перспективах социальных исследований в стране. Развитие социологии останется в этом случае кабинетно-библиотечной задачей. В не менее опасную мы ловушку попадаем, отдавая прикладные задачи в монополию заказной социологии. Тем самым мы санкционируем публицистическую стилистику критической и публичной социологии и ориентируем социологию академическую на ту степень умозрительности, которая оттягивает теоретическую работу от «практического разума».

2. *Что способствует, а что препятствует развитию социологии и — шире — социальных наук в России? Являются ли эти факторы специфически российскими?*

Кратко ответить невозможно. Из тех факторов, которые могут быть фатальными для социальных наук в современной России, хотел бы специально подчеркнуть два тесно взаимосвязанных — несформированность общественного заказа на независимую социологию и неразвитость общественной дискуссии.

3. *Исходя из ваших представлений об основных профессиональных задачах социолога в современном российском обществе, как вы видите задачи и границы публичной социологии в России сегодня? Как эти задачи соотносятся с «публичными» вариантами «соседних» социальных наук — политологии, экономики, антропологии, истории?*

Обязательная задача любой социологической работы — развитие «социального зрения». Ее бы я определил как единственную обязательную и единственную, которая всегда может быть выполнена. Для публичной социологии она является приоритетной, а основным ее адресатом (или, если угодно, клиентом) является гражданское общество. Для академической адресат — профессиональное сообщество, для заказной — конкретный заказчик, для критической — политическая элита. По своим задачам и границам публичная социология может быть определена как саморефлексия гражданского общества.

4. *Ряд исследователей связывает отсутствие публичной социологии в России с недостаточной институционализацией и профессионализацией науки. Согласны ли вы с такой оценкой? Почему?*

Да, согласен. Утверждение в обществе необходимости социальных исследований — профессиональная потребность, которая недостаточно осознана. Перспективы социальных исследований в России, участия их в развитии мировой социальной мысли предполагают более плотную связь научной работы с социальными мирами страны, развитие «понимающего» исследовательского инструментария, а к пониманию продвигаться можно только в диалоге. Другие варианты оставим мистикам.

5. *Можете ли вы назвать кого-то из российских коллег или организаций ярким представителем каждого из выделенных Майклом Буравым типов социологии, либо представителем нескольких типов одновременно? К какому типу социологии вы относите собственную деятельность, и если к нескольким, то как в вашей работе сочетаются разные типы?*

Академическая социология — Александр Филиппов, Инна Девятко, Леонид Ионин. Критическая — Борис Дубин, Лев Гудков (в целом лонгитюды «Левада-центра»), Елена Здравомыслова, Елена Ярская-Смирнова, Павел Романов. Заказная — ВЦИОМ, фонд «Общественное мнение». Не добавляю «и другие»: понятно, что каждый из списков может быть продолжен, а по социологии заказной стать бесконечным. А вот что касается публичной социологии, то здесь точнее говорить о поле, в котором нерегулярно реализуют себя по преимуществу «критики», а иногда благодаря существованию гуманитарных «неакадемических» журналов (таких как ОЗ, НЛО, НЗ) и нескольким телепередачам — «академики». К целенаправленной деятельности собственно социологических команд по развитию публичной социологии можно отнести линию журнала «Социальная реальность» (ФОМ). Но в России достаточно серьезный потенциал исследователей и авторов, чтобы публичная социология институционализировалась в журналах — в Сети и на бумаге, в сериях книг, телепередачах. К образцам публичной социологии я бы отнес книгу Ильи Утехина «Очерки коммунального быта», ряд статей из трудов петербургского ЦНСИ, из сборников саратовского Центра социальной политики и гендерных исследований, ульяновского центра «Регион».

Что касается нашей организации (ЦНСИО), то она генетически связана с задачами публичной социологии. Команда нашего центра возникла в ходе работы над исследовательским альманахом, посвященным локальным сообществам региона (*Байкальская Сибирь. Фрагменты социокультурной карты*. Иркутск, 2002). В статьях так или иначе решалась задача развития «социального зрения», а адресатом было прежде всего местное сообщество. Работая над вторым альманахом-исследованием (*Байкальская Сибирь. Предисловие 21 века*. Иркутск, 2007), мы в полной мере эту задачу сохранили. Взамен привычной краеведческой лирики читающим жителям городов, поселков, деревень предлагается социологическое краеведение, взгляд на привычную повседневность как на социальную историю, акторы которой — сами жители.

Работа оказалась общественно востребована, но особенно интересен отклик профессионального сообщества. Проявленная реакция благожелательная — от снисходительного «Краеведение!» до восторженного «Наконец-то... если бы и в других регионах». Почти во всех случаях это реакция на сконструированный источник, на проектирование региона, а не на опыт публичной социологии. Опыт диалога с местным сообществом российским коллегам (в отличие от европейских) оказался неинтересен.

Второй урок нашего проекта для публичной социологии в России — ловушка «народолюбия». Все же социология — наследник этнографии, науки вполне колониальной, и ее родимых пятен. И «понимающая» социология может превращать человека и повседневность в объект не хуже позитивистской, только в объект любования. В работе над вторым нашим альманахом мы уже помнили об этой ловушке. И здесь можно сказать о третьем уроке, свидетельствующем о методологической потребности в публичной социологии. Публичная социология — это шанс продвинуться в преодолении ключевой методологической трудности: сочетать жизнь в социальных мирах с исследованием этих миров. Я не склонен преувеличивать значение нашего опыта, но убежден, что развертывание регулярной деятельности в сфере публичной социологии потребует развития профессиональных качеств социологов и будет ставить методологические задачи перед исследовательским сообществом.

6. Говорят ли что-нибудь о перспективах развития публичной социологии закрытие «старого» ВЦИОМ в 2003 году, «бунт студентов» на социологическом факультете МГУ и история с закрытием Европейского университета в Санкт-Петербурге в феврале-марте этого года?

Все эти события (если включать в объем «события» реакцию на него) свидетельствуют об отсутствии социального заказа на независимую и профессиональную социологию. В этом контексте (независимости и профессионализма) закрытие ВЦИОМ и бунт студентов рассматривались только отдельными представителями профессионального сообщества при безразличии или осуждении со стороны большинства коллег. В результате — преобладание политических смыслов в речах диспутантов и отсутствие общественной дискуссии в первых двух случаях — ликвидации ВЦИОМа и студенческого бунта.

В событиях вокруг ЕУ в СПб ситуация оказалась иной, прежде всего благодаря сильным социальным сетям, участником которых является ЕУ — и питерская интеллигенция, и сети слушателей ЕУ, и европейские академические сети. Но то, что проект, который предполагал как раз передачу социологами своего инструментария другим акторам гражданского общества, стал поводом или причиной закрытия и то, что он был принесен в жертву компромиссу с властями, — конечно, показатель сложностей для публичной социологии в России. В то же время возникновение во время этих событий «уличного университета» — одно из свидетельств того, что у публичной социологии в стране есть аудитория.

7. Считаете ли вы, что ситуация в российской социологии коренным образом отличается от конфигураций в других странах — не только мировых научных центрах вроде США или Франции, но и в странах «глобального Юга» или постсоветского пространства? Может ли социология оставаться национальной в ситуации, когда усиливаются глобализационные процессы в науке и обществе, а многие российские социологи принимают участие в сравнительных исследовательских проектах и / или работают и публикуются за границей?

Не готов обсуждать всерьез никакую «национальную социологию». Другое дело, что есть национальные условия для развития социологии (например, то же преобладание этнического понимания нации, столичный характер социологии, отсутствие университетской автономии), национальные особенности гражданского общества и многое другое. Все это создает свою «конфигурацию», но свои конфигурации есть в любой стране независимо от размеров и географического положения. Исследование же мировых процессов не может быть результативным, если ограничиваться трансграничными проектами. А развитие исследований в нашей стране предполагает деколонизацию социальной науки, а значит и то, что Буравой назвал публичной социологией.